

W KRĘGU PROBLEMÓW ANTROPOLOGII LITERATURY

CIAŁO I RZECZ W LITERATURZE

STUDIA POD REDAKCJĄ

WANDY SUPY I IWONY ZDANOWICZ

BIAŁYSTOK 2016

Recenzenci:

prof. dr hab. Ludmiła Łucewicz
dr hab. Alina Orłowska
dr hab. Halina Tvaranovitch, prof. UwB
dr hab. Dariusz Kulesza, prof. UwB

Projekt okładki:

Redakcja i korekta

Barbara Piechowska (jęz. polski)
Agata Rozumko (jęz. angielski)
Iwona Zdanowicz (jęz. rosyjski)
Bazyli Siegień (jęz. białoruski i ukraiński)

Redakcja techniczna i skład:

Bartosz Kozłowski

© Copyright by Uniwersytet w Białymstoku, Białystok 2016

Wydanie publikacji sfinansowano ze środków
Wydziału Filologicznego Uniwersytetu w Białymstoku

ISBN 978-83-7431-491-6

Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku
15-097 Białystok, ul. M. Skłodowskiej-Curie 14, (85) 745 71 20
<http://wydawnictwo.uwb.edu.pl> e-mail: ac-dw@uwb.edu.pl

Druk i oprawa:

SPIS TREŚCI

Ciało i rzecz w literaturze

Татьяна Автухович Оппозиция нагой/одетый человек в современной культуре	15
Joanna Getka Lekarstwa, narzędzia i metody leczenia w domu w XVIII wieku (na materiale porad z druków bazyliańskich)	33
Валентина Бондаренко Вещный мир в традиционных русских колыбельных песнях	49
Weronika Dulęba Jak kocha kamień? Status przyrody nieożywionej w wybranych utworach Marii Sadowskiej	59
Walentyna Jakimiuk-Sawczyńska Роль предметов в жизни и творчестве Тэффи	71
Евдокия Нестерова Золотая окружность – вещная судьба мира	81
Rafał Siwicki W kręgu najprostszyc rzeczy. Rola przedmiotów w <i>Białym statku</i> Czingiza Ajtmatowa	91
Magdalena Ślawska <i>Leksikon YU mitologije</i> , czyli przeszłość zaklęta w rzeczach	103
Marta Zambrzycka Używki w powieści kryminalnej na przykładzie powieści Erika Axla <i>Sunda Oblicza Victorii Bergman</i>	117

Ольга Бараш Метафізика вещи в творчестве «бездомных» поэтов (Збигнев Херберт и Иосиф Бродский)	129
Ирина Коган Вещный мир современной российской детской поэзии	141
Beata Siwek Символика реквизита в современной белорусской драматургии	149
Вольга Нікіфарова Рэчы, дарагія сэрцу, у мастацкім свеце лірычнай прозы Янкі Брыля	165
Iwona Mityk Kondycja ludzi i rzeczy w wybranych opowiadaniach Andrzeja Stasiuka	177
Кира Гордович Мотивы и образы в книге Л. Улицкой <i>Священный мусор</i>	191
Dorota Żygadło-Czopnik „O czym rzeczą rzeczy”, czyli wspomnienia rodzinne w powieści <i>Zaziemie</i> Jany Šrámkovej	197
Monika Knurowska Świat rzeczy w zbiorze opowiadań Asara Eppela <i>Trawiasta ulica</i>	211
Анна Синицкая «При помощи вещей»: сюжет как rebus в новейшей драме	227
Валентина Біляцька Функція речі в ритуалі та повсякденному житті (на матеріалі українських історичних романів у віршах)	243
Наталія Городнюк Концепт машини у модерністському романі 20-х рр. ХХ ст.: компаративні аспекти	255
Нина Мороз Метафізика искусственного тела в новеллистике Р. Брэдбери (<i>Электрическое тело пою!</i>)	269

Ирина Плеханова Метаморфозы тела в одноактной драматургии Л. Петрушевской	281
Анастасия Липинская Что значит быть человеком? Тело и машина в новеллизациях ролевой игры <i>Warhammer</i>	295
Андрей Марданов Феномен замещающей реальность симуляции в творчестве Мартина Эмиса	305
Татьяна Светашёва Новые твёрдые поэтические формы в русскоязычном Интернет-пространстве	315
Юрий Лабынцев Современное интернетвидение героики защитников крепости Осовец как кибертекст	327

Ольга Бараш
Москва (Россия)

Метафизика вещи в творчестве «бездомных» поэтов (Збигнев Херберт и Иосиф Бродский)

В числе своих любимых польских поэтов Иосиф Бродский неизменно называл Збигнева Херберта и неоднократно повторял, что Польше в XX веке повезло, так как она имеет не одного великого поэта, а минимум двух – Милоша и Херберта (минимум, потому что в числе великих поляков XX столетия Бродский называл также В. Шимборску, Т. Ружевица и Л. Стаффа). Но имена Милоша и Херберта он упоминал в каждом разговоре о польской поэзии.

Точно неизвестно, когда Бродский познакомился со стихами Херберта. Книги польского поэта выходили с 1956 года и, в отличие от книг эмигранта Милоша, были доступны, хотя на русский язык его стихи если и переводились, то «в стол»: так, «главный» переводчик Херберта Владимир Британишский сообщает, что начал его переводить в 1964 году, но публиковать переводы начали лишь в 1973. Бродский в годы до эмиграции также перевел стихотворение Херберта *Дождь*, однако перевод не датирован, а опубликован только в 1976 году в журнале *Континент*.

О том, как в молодости они с Бродским увлекались Хербертом, неоднократно упоминает Т. Венцлова. По воспоминаниям Т. Венцловы, Бродский считал Херберта лучшим польским поэтом, до того как познакомился со стихами Милоша: «Мы сидели с Иосифом в ресторане “Ленинград”. (...) И. был сравнительно весел, декламировал лимерики и рисовал, спрашивал о Чеславе Милоше (“до сих пор я думал, что лучший польский поэт – Херберт”), – гласит дневниковая запись Т. Венцловы от 19 марта 1972 года¹. О Херберте шел разговор также с Виктором Ворошильским, когда три поэта – Бродский, Венцлова и Ворошильский – встретились в Вильнюсе в 1971 году.

¹ Т. Венцлова, *О трех последних месяцах Бродского в Советском Союзе*, [в:] *Иосиф Бродский. Проблемы поэтики*, Москва 2012, с. 403.

Уже в эмиграции, в 1979 году в интервью Еве Берч и Дэвиду Чану Бродский говорит: «Есть несколько великих поляков, например Ч. Милош и З. Херберт, особенно Херберт, потому что он очень концептуален»². А через 11 лет, в 1990, в интервью Г. Мусялю:

На этих высотах уже не существует иерархии, Я бы сказал, что для меня Милош куда более метафизическое явление, чем Херберт, хотя мне не хотелось бы жить с поэзией одного Милоша, без Херберта. То есть на самом деле я больше ценю Милоша, а присутствие Милоша заставляет меня больше ценить Херберта. И в конечном итоге Збигнев – великий эстет. Он как раз тот человек, чьи предпочтения, выбор определяется вкусом, а не моралью³.

В 90-е годы Бродский довольно много занимался Хербертом: перевел на английский стихотворение в прозе *Ахиллес. Пентесилея*, составил подборку его стихов в переводе на английский для журнала *Wilson Quarterly* и написал о нем эссе. В 1993 году, принимая пост поэта лауреата, Бродский посвятил свою инаугурационную речь именно Херберту, а кроме того, написал предисловие к итальянскому изданию стихов польского поэта. Когда и где они познакомились лично, сведений нет, однако будучи в Польше в 1990 году, Бродский навестил Херберта в его варшавской квартире. Оба были уже очень знамениты и, к сожалению, очень больны.

В свою очередь Херберт высоко ценил Бродского. Смерть младшего поэта в 1996 году глубоко потрясла его, он писал:

Nie był tym, kogo nazywa się mój serdeczny przyjaciel, ale czułem do niego coś więcej niż uczucie przyjaźni; uczucie głębokiego braterstwa i zrozumienia. Odszedł największy w moim przekonaniu poeta języka rosyjskiego. Odszedł nagle, tak jak żył, w pośpiechu. Tak jak robił wszystko, jak gdyby chciał zdążyć i ubiec Pana Boga. Był człowiekiem wspaniałym, ciepłym, szczerym, autentycznym, nade wszystko autentycznym. Żadnej pozy literackiej, żadnego cygaństwa, żadnego udawania, że jest się kimś innym, niż tylko tym, kim się w rzeczywistości jest. Jest mi, muszę powiedzieć, ciężko mówić w tej chwili o nim, gdyż jest to cios osobisty, chociaż nigdy nie chodziliśmy wspólnie tymi samymi drogami. Może właśnie dlatego, że zabrakło tego czasu⁴.

² *Поэзия – лучшая школа неуверенности*, [в:] И. Бродский, *Книга интервью*, Москва 2011, с. 73.

³ *Эстетика – мать этики*, там же, с. 475.

⁴ „Zeszyty literackie” 2005, № 92.

В память о Бродском Херберт заказал службу в варшавском костеле св. Мартина, во время которой произнес:

Wraz z nieliczną garstką największych twórców XX wieku Josif Brodski wiernie stał na straży słowa, strzegł jego powagi i godności. Władał nim mistrzowsko z siłą i precyzją, aby stawić opór kłamstwu i barbarzyństwu⁵.

А в начале 90-х Херберт в разговоре с корреспондентом журнала *Newsweek* шутил, что хотел бы поселиться вместе с Бродским «может быть, в Албании, когда она наконец станет свободной»⁶.

Упомянутая Бродским «концептуальность» Херберта, понимается, пустоватое слово, подходящее для журналистов. В эссе *Zbigniew Herbert* Бродский говорит, о «ледяной прозрачности» его стихов:

Przekonuje nas do swych racji, nie podnosząc temperatury wiersza, lecz obniżając ją: do poziomu, w którym jego strofy zaczynają parzyć zdolności poznawcze czytelnika niczym żelazne sztachety zimą. (...) Jego wiersze zawsze robiły na mnie wrażenie ostrych geometrycznych figur odciśniętych w galarecie mego mózgu⁷.

«Острые геометрические фигуры» не могли не оказать влияния на поэзию самого Бродского. Это воздействие можно наблюдать уже в творчестве конца 60 – начала 70 годов, когда он был еще в Союзе. Кстати, в числе повлиявших на него польских поэтов Бродский неизменно называл Херберта.

Казалось бы, трудно представить себе таких непохожих поэтов. Бродский и Херберт – поэты разных стран, разных биографий, разных поколений. Херберт пережил войну, в 1944 году был вынужден покинуть родной Львов, участвовал в Соппротивлении, после войны окончил университет, занимал «невидные», неприметные должности, часто переезжая из города в город. Его поэтическая судьба после дебюта в 1956 году сложилась благополучно, он годами пребывал за границей, причем не в статусе эмигранта, а в статусе «путешествующего поэта». Лишь в 1981 году, с введением в Польше военного положения, он, как тогда казалось, навсегда покинул страну, но в 1989 вернулся и прожил на родине до своей смерти в 1998. Бродский пережил войну в младенческом возрасте, рано проявил свое неприятие окружающей действительности и рано начал отрываться от дома – то уез-

⁵ Там же.

⁶ *Prawdziwy kaskader literatury*, [online], <http://niniwa22.cba.pl/kaskader.htm>, [28.10.2014].

⁷ „Zeszyty Literackie” № 68, tłum. Ewa Kulik-Bielińska. Эссе не переведено на русский, поэтому мы цитируем польский перевод.

жая в геологические экспедиции, то прячась от КГБ, то оказавшись в ссылке, пока наконец не эмигрировал в 1972 году, чтобы никогда не вернуться в Россию.

Частые путешествия, то добровольные, то вынужденные, сформировали у обоих поэтов чувство оторванности от дома, которое каждый из них по-своему декларировал еще в ранних стихах: «Слава Богу, что я на земле без отчизны остался», – пишет Бродский в 1963 году в стихотворении *От окраины к центру* (хотя до эмиграции было еще далеко). «nad syrkim porołem gniazda/piosenka bezdomnej piechoty» – в стихотворении *Dom*, вошедшем в первую его книгу *Struna światła*, Херберт сокрушается об утрате семейного гнезда, хотя, насколько известно, его родной дом во Львове не был разрушен во время войны.

Ни Бродский, ни Херберт не были бездомными в буквальном смысле – как Цветаева или Мандельштам. Ни один из них также не был «бездомным» в понимании некоторых исследователей этого концепта: не считал себя оторванным от традиции, от корней, от родной культуры. Скорее к этому явлению можно применить определение прот. Б. Ничипорова – «метафизическая бездомность владельца квартиры или дома»⁸, а также – объяснение самого З. Херберта:

Nasz świat bowiem, nasza współczesność określana jest w kategoriach polityki i nauki, a nie w kategoriach sztuki. Stąd biadolenie poetów, że są bezdomni – co jest prawdą (ale nigdy nie było inaczej), i próba nawiązania flirtu z polityką i nauką – a to już jest karygodne⁹.

«Метафизическая бездомность» поэта, определяющего мир в категориях искусства, к тому же живущего вдали от родины, да еще при этом выходя из социалистического лагеря, оборачивается с одной стороны ощущением «мирового гражданства», которое прочитывается в стихах как Херберта, так и Бродского. Недаром, хотя «ледяная прозрачность» Херберта, которая так нравилась Бродскому, была противопоказана его собственным стихам с «длинным дыханием», у двух поэтов были, как выразился Бродский по другому поводу, «общие принципы». Это выстраивание строгой иерархии ценностей; уверенность, что сфера приложения поэзии – это язык, а не политика и наука;

⁸ Б. Ничипоров, *Дом и его мистика*, [в:] Б.В. Ничипоров, *Введение в христианскую психологию*, Москва 1994, с. 103. См. также: Е. Шутова, «Дом» и «бездомье» человека: терминальный статус и формы бытия в культуре, [online], <http://cyberleninka.ru/article/n/dom-i-bezdomie-cheloveka-terminalnyy-status-i-formy-bytiya-v-kulture>, [20.10.2014].

⁹ Z. Herbert, *Poeta wobec współczesności*, [w:] Z. Herbert, *Wiersze wybrane*, Kraków 2007, s. 307.

насыщенность поэзии культурными реалиями разных стран; пристрастие к итальянской и античной культуре, включая мифологию, отсюда – склонность к экфрасису (у Херберта – в большей степени). Для обоих история слита с современностью: Бродский запросто беседует с бюстом Тиберия, Херберт ведет речи от имени Калигулы и Клавдия, и даже Прокруста: цель у обоих одна: попытка проникнуть в истоки зла, имеющего не национальные, а общечеловеческие корни.

С другой стороны, «бездомность» порождает мысли о доме. Мотив возвращения звучит у Херберта в таких стихотворениях, как *Powrót prokonsula* и *Powrót Pana Cogito*; для Бродского периода эмиграции эта тема была более болезненна (поскольку он не мог вернуться – вначале как выдворенный из страны диссидент, позже – по состоянию здоровья), и обращался он к ней чаще. Однако эта тема звучит и в стихах, написанных еще в СССР, причем, как представляется, не без влияния хербертовского *Возвращения проконсула*. По воспоминаниям Т. Венцловы, это было одно из любимых стихотворений Бродского; возможно, именно оно частично спровоцировало его на написание ряда стихотворений, по словам Л. Лосева, «кодирующих современную действительность и личную ситуацию в образах условной Римской империи»¹⁰. Это было сделано задолго до написания Б. Окуджавой песни *Римская империя времени упадка*; советские критики сказали бы, что эти тексты содержат «аллюзии». Это *Anno Domini* (1968), *Post aetatem nostram* (1970) и *Письма римскому другу* (1970).

Уже в *Anno Domini* присутствует образ наместника, который думает «об отсрочке перевода / на службу в Метрополию» – «его не хочет видеть Император». Ситуация из Херберта, у которого проконсул тоскует в провинции и хочет вернуться в Рим. Но там его ждет не «интриги да обжорство» (как в *Письмах римскому другу* Бродского), но прямая угроза свободе и жизни.

mógłbym pozostać tutaj w odległej prowincji
pod pełnymi słodczy liśćmi sykomoru
i łagodnymi rządami chorowitych nepotów... –

Однако проконсул этого не желает:

nie mogę żyć wśród winnic wszystko tu nie moje
drzewa są bez korzeni domy bez fundamentów

¹⁰ Л. Лосев, *Примечания*, [в:] И. Бродский, *Стихотворения и поэмы в двух томах*, т. 1, с. 473.

deszcz szklany kwiaty pachną woskiem
o puste niebo kołacze suchy obłok

В *Письмах римскому другу* Бродский своеобразно отвечает почти на каждый выпад Херберта против провинции. В его «глухой провинции у моря» деревья – лавр и кипарис – растут настоящие: «Зелень лавра, доходящая до дрожи»; «Дрозд щебечет в шевелюре кипариса». Дождь идет такой, что его надо пережидать с гетерой, цветы герой собирает в горах и ставит в кувшин... Герой Херберта колеблется – возвращаться ему или нет. Бродский в *Anno Domini* иронически отвечает: «Зачем куда-то рваться из дворца?» А *Письма римскому другу* уже служат однозначным ответом на этот вопрос: нет.

Реальность, похожая на описанную в *Возвращении проконсула*, возникает у Бродского и в третьем «римском» стихотворении – *Post aetatem nostram*; это в частности, труп, выносимый из дворца; мотив искусственности природы:

Решетка, отделяющая льва
от публики, в чугунном варианте
воспроизводит путаницу джунглей.
Мох. Капли металлической росы.
Лиана, оплетающая лотос...

Либо:

Фонтан, изображающий дельфина
в открытом море, совершенно сух.
Вполне понятно: каменная рыба
способна обойтись и без воды,
как та – без рыбы, сделанной из камня.

А вот «новые законы против нищих», за которые в *Post Aetatem Nostram* вожди благодарят царя – эхо *Трена Фортинбраса*, также весьма ценимого Бродским стихотворения Херберта: «...i dekret w sprawie prostytutek i żebraków/muszę także obmyślić lepszy system więzień». Вспомним, кстати, «улучшенную» систему тюрем в *Post Aetatem Nostram*: башню, в которой два процента населения должны были сидеть пожизненно (позже этот образ переключает в пьесу *Мрамор*).

Кстати, сходные с главкой вышеупомянутого стихотворения *Башня* мотивы прослеживаются в стихотворении Херберта *Wieża*, о башне, в которой пожизненно заперты преступник и невиновный в преступлениях звездочет; средством общения между ними служит кот, ср. у Бродского:

На сорок третьем этаже пастух,
лицо просунув сквозь иллюминатор,
свою улыбку посылает вниз
пришедшей навестить его собаке.

То, что и Бродского, и Херберта можно назвать – и нередко называют – «поэтами культуры», не исключает внимания обоих к лежащим вне сферы эстетического объектам материальной культуры («вещи», «предметы») и даже ее отходам («падаль», «помойка») – не просто внимания, но и построения на основе рассмотрения подобных артефактов мировоззренческих концепций. Не рискуем здесь заниматься сопоставлением трактовок предметов повседневного обихода у «поэтов дома» (к каковым в русской поэзии XX века можно причислить, к примеру, А. Кушнера, в польской – Е. Харасымовича) и «поэтов бездомья», а также анализом концепций, выраженных в таких произведениях Херберта, как *Studium przedmiotu*, *Stolek*, *Krzesała*, *Drewniana kostka*, *Martwa natura*, и Бродского – *Натюрморт*, *Посвящается стулу* (обратим внимание на сходство либо тождество заглавий), тем более что на последнюю тему уже существуют работы¹¹. Остановимся лишь на непосредственных перекличках между текстами двух поэтов. Так, представляется, что когда Бродский в *Посвящается стулу* говорит:

Что знаем мы о стуле, окромя,
того, что было сказано в пылу
полемики? –

Речь идет о полемике именно с собратом-поэтом, а не с какими-либо философами материалистического или идеалистического толка. Дело в том, что для Херберта нерушимость предмета – доказательство подлинности мира и недолговечности человека; Бродский же предлагал вопрос о подлинности вообще снять с повестки дня («оставить без внимания вопрос/о подлинности»), а предмет/вещь переживет «все» потому что после него останется пространство, которое он занимал. «Предмет, которого нет» есть наилучший и для Херберта, и для Бродского – но для первого он начало, точка отсчета, для второго – конец, уход в вечность.

Интересно, что когда Д. Бетеа заметил Бродскому о наличии сходства между его *Посвящается стулу* и *Studium Przedmiotu*, поэт не

¹¹ См., например: А. Niero, *Збигнев Херберт, Иосиф Бродский и предметы*, [в:] *Studia Litteraria Polono-Slavica*, Warszawa 2002, t. 7, s. 439-455.

ответил по существу, отделившись словами: «Это замечательное стихотворение»¹².

Стихотворение *Stadium Przedmiotu*, конечно, замечательно, но стоит отметить некоторые текстовые соответствия между двумя авторами, о которых не пожелал говорить Бродский: к Херберту восходит определение Бродским мебели как «четвероногой»: *czworo nogiem* называет Херберт и стул, и табурет; у Бродского стул также «четвероног» (это русское краткое прилагательное соответствует по форме польскому существительному); человек – «пастух четвероногой мебели» (*Новая жизнь*), ср. у Херберта о стульях: «Dawniej krzesła były to piękne, kwiatóżercze zwierzęta. Zbyt łatwo jednak dały się oswoić...» (*Krzesła*).

У Бродского «Стул может встать, чтоб лампочку ввернуть,/на стол. Но никогда наоборот» (*Посвящается стулу*). Ср. у Херберта: «Przedmioty martwe są zawsze w porządku i nic im, niestety, nie można zarzucić. Nie udało mi się nigdy zauważyć krzesła, które przestępuje z nogi na nogę...» (*Przedmioty*).

Бродский предупреждает: «Ваш стул переживет/вас, ваши безупречные тела,/их плотно облежавший шевиот». Согласно Херберту, «przedmioty robią to ze względów wychowawczych, aby wciąż nam wypominać naszą niestałość».

Микроцитат из Херберта у Бродского достаточно и в других текстах. Так, «бутылка собора» – образ, неоднократно встречающийся у Бродского (см. например, стихотворение *В Англии*) – восходит, по всей вероятности, к стихотворению Херберта *W Szafie* – «to, co do niedawna uważaliśmy za katedrę – a jest smukłą butelką zwietrzałych perfum».

А «карнизы – бровью» в стихотворении *Полонез: Вариация* родом из *Архитектуры* Херберта – «Brwią z kamienia». «Сухая вода» – «и не пил только сухую воду» (*Я входил вместо дикого зверя в клетку...*) – Л. Лосевым возводится к О. Мандельштаму: «Захочешь пить – там есть вода такая/ Из курдского источника Арзни,/Хорошая, колючая, сухая/И самая правдивая вода»¹³. Оснований к такой интерпретации нет – речь у Бродского отнюдь не о минеральной воде. Оксюморон «сухая вода» встречается именно у Херберта – в стихотворении *Co będzie*: «co będzie /kiedy ręce/odpadną od wierszy/gdy w innych górach/ będę pił suchą wodę...»; аллюзия переводит строку Бродского из бытового плана в метафизический. Путешественнику Херберт советует повторять «смешные звуки речи – «Czy-że-się» (*Podróż*). У Бродского

¹² *Наглая проповедь идеализма*, [в:] И. Бродский, *Книга...*, с. 592.

¹³ Л. Лосев, *Примечания*, [в:] И. Бродский, *Стихотворения и поэмы...*, т. 2, с. 411.

вяз шепчет «че-ше-ще» (*Под раскидистым вязом, шепчушим «че-ше-ще...*); также в *Вертумне* звучит «смесь латыни с глаголицей в голом парке: жэ, че, ша, ща плюс икс, игрек, зет». «Дерево без корней» из *Возвращения проконсула* Херберта возникает эпизодически в стихотворении Бродского *Вид с холма*: «На перекрестке/загорается дерево без корней»; что через текст Херберта расширяет семантику стиха Бродского: вид этот – «чужой».

Не только античные и «предметные» мотивы Бродский черпает из Херберта. Упомянутое выше раннее стихотворение польского поэта *Дом* развивает частую в польской послевоенной поэзии тему уничтожения войной и пожаром родного дома. «Dom nad porami roku / dom dzieci zwierząt i jabłek» превращается в «kwadrat pustej przestrzeni pod nieobecną gwiazdą». Здесь в первой строфе впервые водится название геометрической фигуры.

Вторая строфа – написана в прошедшем времени: «dom był lunetą dzieciństwa / dom był skórą wzruszenia... / policzkiem siostry / gałęzią drzewa». Далее, после описания уничтожения дома, в стихотворение возвращается настоящее время: «dom jest sześcianem dzieciństwa / dom jest kostką wzruszenia...» и в нем снова возникают названия геометрических фигур.

Как бы суммировав эти названия, Бродский начинает одно из своих поздних стихотворений: «Дом был прыжком геометрии в глухонемую зелень...» При желании нетрудно заметить, что словосочетание «глухонемую зелень» анаграммирует слово «gałęzią».

У Бродского дом остается стоять, но теряет жильцов, дичает, становится «одичавшей суммой прямых углов», то есть перестает быть домом, и облака прикрывают «космос от одичавшей суммы прямых углов».

Как видим, многословный Бродский делает все, чтобы из его стихотворения с трудом вычитывался смысл, ясно выраженный у Херберта: «квадрат» (либо «куб») пространства под отсутствующей звездой.

Вполне вероятно, что со стихотворением Херберта *Architektura* связан поздний стих Бродского *Архитектура, мать развалин...*, написанный 4-стопным ямбом, которым Бродский не писал с середины 60-х. Оба стихотворения – гимн архитектуре (которую как Херберт, так и Бродский считал «главным» искусством); но если у Херберта это в первую очередь гимн красоте архитектуры, то Бродский снова использует мотивы старшего поэта в своих целях: показать власть архитектуры над временем.

Э. Никадем-Малиновска обнаруживает некоторую типологическую связь между лирическим героем Бродского (особенно в цикле *Часть речи*) и героем «главной книги Херберта» паном Когито¹⁴. Но Бродский *Части речи* если и есть «пан Когито», то изрядно спятивший – недаром этот цикл сравнивают с *Записками сумасшедшего* Гоголя. Причем любопытно, что при всей своей любви к «Збышку» Херберту Бродский в интервью Д. Бетеа говорит, что «не любит пана Когито»¹⁵. Однако в некоторых его стихах 90-х годов, особенно написанных верлибром – *Выступление в Сорбонне*, *Письмо в академию* – звучат интонации пана Когито. Известно, что Бродский постоянно твердил, что старается избавиться от повышенной эмоциональности, лиризма, свойственного русской поэзии. Не служат ли упомянутые тексты реализацией этого стремления и не превратился бы ли Бродский с течением времени «в пана Когито», если бы не ранняя смерть? Трудно сказать, ведь Бродский до конца жизни не утрачивал интереса к творчеству З. Херберта.

¹⁴ E. Nikadem-Malinowska, *Poezja i myśl*, Olsztyn 2004, s. 58.

¹⁵ *Нагляя проповідь...*, с. 592.

SUMMARY**Metaphysics of the thing in the work
of “homeless” poets (Z. Herbert and J. Brodsky)**

Zbigniew Herbert and Joseph Brodsky had both declared their metaphysical homelessness long before they became emigrants. This sensation led to certain peculiarities in their poetic worldview (cosmopolitanism, immersion of world culture, attention to the metaphysical aspect of everyday objects etc.) The article deals with some ways of expressing these views in the works of both authors, as well with as with personal relations between the two poets and the way the younger author (Brodsky) was influenced by one of his favorite Polish poets (Herbert).

Keywords: J. Brodsky, Z. Herbert, metaphysical homelessness, world culture, thing and object, intertext.

Ключевые слова: И. Бродский, З. Херберт, метафизическая бездомность, мировая культура, вещь и предмет, интертекст.